

ПОЕЗДКА К МИХАИЛУ ИВАНОВИЧУ (Исторический рассказ)

Советская власть по-разному боролась со своими политическими противниками и оппонентами: где-то жестко, а где-то довольно мягко. Последнее наблюдалось применительно к представителям многочисленного движения толстовцев – последователей учения графа Льва Николаевича Толстого, возникшего в 1880-е годы и благополучно перекочевавшего в СССР. Ниже привожу рассказ моего знакомого, отставного офицера Сергея Лапина о его деде.

И.Ф.Аверин – Галиция 1916 год

Ивану Федоровичу Аверину в 1926 году исполнилось аккурат 30 лет. Он прошел две войны – Вторую Отечественную, которую при советской власти переименовали в империалистическую, и войну гражданскую. На обеих войнах много чего повидал – меньше хорошего и больше плохого. По демобилизации проживал в деревне Путилове Осеневской волости Ростовского уезда Ярославской губернии в доме, который построил сам с помощью Божьей или людей родных и близких. Дом просторный и удобный, при доме – десятина земли. Вел Иван Федорович единоличное

подсобное хозяйство, крестьянствовал, плотничал-столярничал. Содержал кое-какую не очень многочисленную живность, а с деревом работал в специально оборудованном для этого сарае, где размещался верстак. Делал продукцию для людей, а лишнее продавал в соседних селах. Думал обзавестись семейством, присматривался к представительницам прекрасного пола. Не то, чтобы невест не хватало, их-то после военного лихолетья было даже в избытке. Упиралось все в принадлежность Аверина к толстовцам и, следовательно, подыскивал он себе избранницу, отвечающую его духовным воззрениям. Наконец присмотрел девушку Агриппину Николаевну Данилову, семейство которой, как и сама она, оказались близки ему до духу. И намеревался было Аверин заслать к ней сватов, но тут у него возникла проблема из-за его убеждений.

С толстовцами он сошелся на мировой войне, таковых оказалось немало среди солдат и даже офицеров. Особенно на заключительном ее этапе, когда русские войска находились в Галиции. Толстовцы, как никакой иной люд, видели всю пагубность смертельного человекоборчества, и в солдатском братании усматривали будущность своего дела. Тем не менее, с окончанием этой войны, советская власть призвала Ивана Федоровича в ряды Красной армии. Но воевать в ее рядах довелось ему не очень хорошими эпизодами, главным из которых стало подавление мятежа левых эсеров в Ярославле, когда русские люди убивали русских людей. Это уж совсем никуда не годилось.

За годы толстовства проштудировал Иван Федорович все известные философские и нравственные работы Толстого – «Церковь и государство», «Исповедь», «В чем моя вера?», «Путь жизни» и много обсуждал их со своими земляками в основном крестьянами. Работать с крестьянами было проще, они все люди достаточно грамотные, смышленные, умели читать и писать. «Истинная вера везде может быть, только не там, где она явно насилующая, не в государственной вере. – гласило учение. – Истинная вера может быть во всех так называемых расколах, ересях, но, наверное, не может быть только там, где она соединилась с государством». Толстовцы ставили под сомнение и роль самой церкви: «Странно сказать, но название «православная, католическая, протестантская» вера, как эти слова

установились в обыкновенной речи, значат не что иное, как вера, соединенная с властью, т. е. государственная вера и потому ложная». «Не делайте насилия, не участвуйте в насилии, не делайте зла никому», — проповедовали они. Непротивление злу насилием стало их главным девизом.

Ездил Иван Аверин в Ясную Поляну к самому Черткову, который в царское время являлся издателем произведений великого русского писателя, а теперь — не только хранителем духовным толстовских ценностей, но и главным идеологом толстовства в советское время. Аверин провел в Ясной Поляне несколько дней среди таких же, как он, единомышленников. Сам Чертков своей убежденностью произвел сильное впечатление на отставного солдата, который слушал уникальные лекции Владимира Григорьевича, после чего они всей группой под этим ракурсом обсуждали важнейшие проблемы бытия. Вернулся домой Иван Федорович с убеждением просвещать массы, учить людей пользе крестьянского труда, единению с природой и мирному сожителству. Так стал главным пропагандистом и активистом толстовства у себя в волостном околотке.

Партия большевиков не знала толком, что делать с толстовцами и их движением. Уж слишком многочисленно оно было, но при этом толстовцы не рвались рьяно к власти, как иные политические силы. Тем более, что выступали они за мир — такие же цели провозглашала и ВКП (б), и с церковью были не в ладах. Но называли себя партией, а какая могла быть партия в СССР кроме единой направляющей? И пусть толстовская партия некреативная, но проблемы для советского руководства все равно создавала. Словом, ситуация так или иначе требовала как-то расчлнить движение классика литературы и постепенно свести на нет его существование.

Одним из способов борьбы с толстовцами стало принятие 6 ноября 1925 года постановления Центрального исполнительного комитета (ЦИК) СССР и Совнаркома «О специальном военном налоге с граждан, зачисленных в тыловое ополчение» за подписью председателя ЦИК Михаила Калинина, председателя Совнаркома Алексея Рыкова и секретаря ЦИК Авеля Енукидзе. Налог платился вместе с подоходным налогом раз в полгода. Толстовцы по своим идейным убеждениям платить его не желали

и массово отказывались. Тогда против них начали применять репрессивные меры.

Той неделей отправился Иван Федорович по делам в большое село Гаврилов Ям и возле рынка встретился со своим товарищем и земляком Григорием Уколовым, которого Иван среди прочих увлек в движение толстовское. Гриша первым заметил товарища, замахал ему рукой, а потом отвел в сторону и полупшепотом стал рассказывать:

– Вань, меня тут раскулачивать приходили...

Гриша переехал жить в Гаврилов Ям и поселился семьей в очень скромном домишке возле кладбища. Иван подивился: что тут раскулачивать, какой из него кулак!

– Вот и я так же думал, – заговорил Гриша, – а они пришли, спросили: налог военный заплатил? Не заплатил. Ну тогда будем тебя раскулачивать. Ходили по дому искали-рядили, ничего путного не нашли. Потом взяли и конфисковали 22 тома сочинений Толстого кроме первого и последнего.

– А эти-то что не забрали?

– Так я их дал людям читать.

Вот такие подходы, Иван Федорович задумался, а скоро и его вызвали в ОГПУ. Следователь Подузов хорошо подготовился к разговору с Иваном Федоровичем, даже Толстого почитал. Был достаточно вежлив, но напорист, не ходил вокруг да около, а начал с дела.

– Как так наша страна не должна защищаться? Мы только что вышли из гражданской войны, и борьба не закончилась. Кто-то защищает ее с оружием в руках, а кто-то – иным способом... Лев Николаевич Толстой, – продолжал он, – как вы хорошо знаете, защищал свое Отечество в войне на Кавказе и в Крыму, был представлен к Георгию и называл этот период своей жизни хорошим временем.

– Он потом пересмотрел свои взгляды на войну, – возразил Аверин.

– Он пересмотрел, когда уже не мог держать оружие в руках. Вы пока еще способны. Свою страну должны защищать все ее граждане, а отказ от защиты есть государственное преступление, – напирал следователь.

– Я уже защищал свое Отечество и советскую власть.

– Не мы планируем войны, против нас планируют и развязывают. И каждый раз мы обязаны братья за оружие для защиты своей страны.

Они еще говорили какое-то время, не понимая друг дружку. Иван Федорович бессмысленно пытался разъяснить следователю, что государство не должно накапливать военную силу, поскольку оно, тем самым, потворствует вооружению всех остальных, что рано или поздно приведет к войне, Подузов гнул свою линию.

– Ты, Аверин, читал статью товарища Рыкова о том, как фашизм в Европе поднимает голову? – задал вопрос следователь. – Они нас не намерены по головке гладить, они против нас воевать нацеливаются! А мы им скажем: здравствуйте! Мы с вами воевать не будем, нам незачем воевать с вами. Это как?

– Наша партия, – возразил Аверин, – намерена вести борьбу за ненасилие не только здесь, но и всюду, и в Европе в том числе. И тамошние власти будут прислушиваться к нашим воззваниям.

– Не будут они к вам прислушиваться, они плевать хотели на ваши воззвания! – заключил следователь. – Так, последний раз спрашиваю, налог будем платить или под суд пойдешь?

– Мои убеждения не позволяют мне этого сделать.

В итоге Иван Федорович был арестован и предан суду. Судили его по контрреволюционной 59-й статье пункту 5 – «Массовый отказ от внесения налогов денежных или натуральных или от выполнения повинностей». Статья в принципе не строгая, но Аверина сочли функционером толстовского движения и организатором данной деятельности. Если на рядовых участников налагался штраф в виде удвоения неуплаченного налога или принудительные работы, то организатору по закону полагалось заключение на срок не менее одного года и конфискация имущества. Последнее после осмотра хозяйства решили к Ивану Федоровичу не применять, зато срок дали два года тюремного заключения.

Современный вид из Коровников на Волгу

Ярославская тюрьма Коровники, где отбывал свой срок заключенный Аверин, располагалась на берегу Волги, и Иван Федорович при случае любовался широкими волжскими просторами, пароходами и баржами на водной глади реки, свежестью ветра и дыхания и находил в этом всю красоту природной благодати. Начальство, естественно, знало, чем занимался на свободе Иван Федорович, и поэтому сразу же определило его на работу в столярный цех. Делали табуретки, и это дело ему нравилось – как снимается стружка, как с помощью инструмента вытачиваются детали, как крепятся ножки. Свежестроганое дерево источало неповторимый запах. Вскоре Иван Федорович организовал небольшую сушильню, которую топили отходами производства, чтобы изделия были прочнее. Выходила продукция для народа, и это радовало. Потом он убедил начальство собирать еще и деревянные столы и делал их с удовольствием, поскольку представлял, как за этими столами соберутся крепкие крестьянские семьи, как отец будет восседать во главе стола, а жена и детки – по бокам. И будут они трудиться в мире и спокойствии.

Работа с деревом вдохновляла, она, по сути, божественна, ведь и сам Иисус Христос плотничал.

Народ вокруг попался добрый, грамотный. В Коровниках тогда в основном содержались участники крестьянских восстаний против Советской власти, а также представители духовенства, буржуазии и интеллигенции. Были и крестьяне, в основном грамотные, хозяйственные. Много разговаривали обо всем – о стране, о России, о народе. С такими людьми было интересно беседовать и просто находиться рядом. Режим тюрьмы – щадящий, кормили добротной едой, на столе бывали и мясо, и рыба, и курица, и овощи. Чистоту и порядок поддерживали сами заключенные. Поскольку Иван Федорович имел хозяйство и сдавал часть продукции государству, три раза в год его отпускали в двухнедельный отпуск. Сначала на посевную, потом на сенокос и, наконец, на уборочную. Из отпусков в тюрьму всегда возвращался вовремя.

Внутреннее убранство тюремной камеры в Коровниках

Из разговоров и споров со своими сокамерниками, их умозаключений у него начинало вызревать сомнение в правильности своей позиции относительно отказа от военной защиты родины. Наверное, эти

его сомнения дошли и до начальства. После того, как Аверин пробыл в Коровниках чуть больше года, его вызвал начальник тюрьмы, предложил присесть, полистал бумаги.

– Вот что, Иван Федорович, ты мужик справный, добросовестный, трудолюбивый. Вижу, что стал на путь исправления.

Аверин вопросительно посмотрел на начальника.

– В общем мы решили, что тебя надо помиловать. Не возражаешь?

Кто ж возражает против помилования, а, следовательно, освобождения, тем более, что дома дожидается его и хозяйство, и разлюбезная Агриппина Николаевна?

– А мне-то что делать?

– Мы подготовим на тебя документы, с ними поедешь в Москву к товарищу Калинин, он у нас решает вопросы помилования.

Как, в Москву? Из тюрьмы, к самому товарищу Калинин? Да, именно так. Была у Михаила Ивановича, которого называли «всесоюзным старостой» репутация едва ли не народного защитника, множество людей не только писали ему письма, но и обращались напрямую. И народ шел к нему нескончаемой чередой. Ходила даже легенда, что он принял чуть ли не 8 миллионов человек. Но это чисто легенда: принять такое количество просителей он был физически не в состоянии, хотя нельзя исключать, что в судьбах такого количества людей он мог принять участие в той или иной степени.

В общем получил Иван Аверин все положенные документы и поездом отправился в столицу. Пешком прошел от вокзала до приемной ЦИКа, которая находилась на углу улиц Моховая и Воздвиженка, сказал охраннику к кому и с какими целями пришел. Тот обыскивать посетителя не стал, лишь показал рукой куда тому следует пройти – на второй этаж, по коридору налево.

Поднялся на второй этаж – там чистый белый коридор как в больнице, двери с табличками, вдоль стен на стульях посетители или просители. Осматриваясь, дошел до двери с табличкой «Калинин М.И.», ничего иного о хозяине кабинета она не сообщала – все очень просто. Перед дверью кабинета сидело пять-шесть посетителей. Иван Федорович остановился, потоптался.

– А мне бы к товарищу Калинин... – сказал нерешительно.

– Тогда за мной будете, товарищ, – ответил ему один мужчина, – присядьте, пожалуйста.

Усевшись на стул спиной к стене, Иван Федорович, стал осматривать стены, потолок, а потом невольно и посетителей рядом и напротив его, которые находились в ожидании приглашения. Неожиданно мысли его вернулись к самому Калинин: а каков он на самом деле, этот Михаил Иванович, такой ли как на картинках и фотографиях, которые он видел в клубе и в газете, или же иной. А вдруг начнет все выспрашивать, вопросы какие-то политические задавать? Как ему все это объяснить?

Государь-император проводит смотр войск

Из памяти всплыла встреча с императором Николаем II. Случилась она в годы войны в Ростове Великом, где остановился их Кабардинский полк Дикой дивизии. Хотя полк и назывался Кабардинским, представителей этой национальности в нем практически не было, а если и были – то единицы. Полк сформировали из призывников двух губерний – Казанской и Ярославской, были еще удмурты. Неожиданно дали полку команду строиться – строевой смотр на площади перед железнодорожным вокзалом. Построили полк, не распускают. Стояли часа два, не меньше. И когда уже совсем сил не стало стоять, прибыл царский поезд. Николай II,

намеревавшийся взять командование войсками в свои руки, решил лично проинспектировать один из боевых полков. Царь осмотрел строй, пройдя буквально в аршине от Аверина. Тому хотелось встретить взгляд царя – по-отечески участливый, но взгляд императора оказался холодным и пронизывающим, будто в нем уже чувствовалась некая обреченность. Такой взгляд бойцов морально не поддержит. Даже подумалось: уж не винит ли он всех этих солдат в том, что война стала разворачиваться не в том направлении, как хотелось бы царю.

Просители между тем сидели вдоль стен, и каждый из них был погружен в свои мысли, когда вдруг в конце коридора появился человек в черном кожаном пальто, в пенсне на носу и с остренькой бородкой. Его взгляд скользил вдоль коридора, вдоль посетителей, конкретно не останавливаясь ни на ком, ни на каких табличках на дверях. Человек шел уверенно, явно зная, куда ему нужно. И по мере прохождения этого черного человека в воздухе оставался тихий шелест голосов: «Троцкий! Так это ж сам товарищ Троцкий!» Звезда Льва Троцкого на том этапе уже закатывалась, он проигрывал свое «генеральное сражение» Сталину, которого считал ниже себя во всех отношениях.

Вскоре подошла очередь Аверина. Зашел в кабинет: за столом сидит Михаил Иванович. Поздоровался, Калинин поприветствовал его в ответ.

Председатель ВЦИК М.И.Калинин

Взгляд у всесоюзного старосты в отличие от царского оказался участливым, настраивающим на благоприятный исход дела. Калинин посмотрел бумаги Аверина, поднял голову и сказал, обращаясь на «вы»:

– Если осознали свою вину и раскаиваетесь, то мы вас помилуем.

И в нужном месте поставил свою подпись. Вот так все просто и доступно, а ведь Калинин юридически глава государства. На следующий день Иван Федорович вернулся в Коровники, где быстро приняли решение о его освобождении, и тут же поехал к себе в Путилово. Но в последующем тепло вспоминал свое пребывание в заключении как очень полезное для самообразования и для души.

– Это было, наверное, самое интересное и лучшее время в моей жизни, - говорил он внуку.

Ивану Федоровичу еще раз пришлось взять в руки оружие, но, по иронии судьбы, воевать и убивать кого-то не пришлось. В 1941 году он был призван в армию, прошел курсы начальной военной подготовки (прошлый опыт не в счет, война другая) и по их окончании попал в Ржевскую мясорубку. Выдали нерабочую винтовку, затвор ее не работал, сам ее отремонтировал, отдраил кирпичом. Однако в первом же бою осколком снаряда перебило Ивану Аверину правую руку ближе к плечу. Руку рабочую, в которой оружие держат. Боли сначала не почувствовал, а только обнаружил, что болтается его рука на одном сухожилии. Хорошо, что рядом оказалась санитарное отделение, нашелся хирург. Руку он пришил, но вот восстановить ее работоспособность не удалось. Иван Федорович был комиссован. В Великую Отечественную войну его не убили, и он никого не убил.